В конце концов я погнался за караваном.

Это было не так уж сложно. Днем они ехали медленно. Казалось, что, несмотря на свои размеры и ловкость, ящерицы могли путешествовать бегом только по несколько часов каждый день. Я сидел на одной из них, глядя на её покачивающиеся хвосты, пока мы двигались по озеру.

Было одиноко, путешествовать с группой людей, с которыми я не мог поговорить. Но по крайней мере я мог слышать их голоса. Предки, даже музыкант, рано или поздно устанет от собственного голоса. А я даже не был таким хорошим певцом.

Так что я думаю, что это нужно сделать сейчас. Я лениво пинал ногами и прислушивался к разговорам вокруг, чтобы скоротать время.

«Пепел, это огромное озеро», - сказал один из коренастых лысых людей. - По крайней мере, оно должно быть размером с Южный Асталон.

Нови во главе каравана повернул голову, приподняв бровь.

«Ты путешествовал по Серым пустошам, Тебан?»

«Да. Ты знаешь, какова моя работа - путешествовать, путешествовать, путешествовать. Даже такие опасные зоны, как Серый, не являются запретными.»

«Хех. Быть полевым исследователем Коалиции - это куда веселее, чем я предполагал».

«Я бы не назвал это забавой», - усмехнулся человек, натягивая кожаный ремень через плечо. Он тянул его вперед, пока из-под пальто не выскользнула книга шириной с его грудь. Он с гордостью похлопал её. «Но это чертовски интересно. Ты не поверишь, что я видел там, Хаан. И все это записано в этом журнале. Годы моих гениальных исследований. Хочешь взглянуть?»

Нови взглянул на массивный фолиант и скривился.

«Эх, нет, спасибо. Чтение - не моё.»

«Не волнуйся, друг. Я обязательно вставлю картинки для таких людей, как ты». Он пошевелил пальцами: «Разноцветные».

Люди в караване засмеялись над этим, к большому огорчению нови. Не было даже паузы, когда начался новый раунд подшучивания. Но я не смотрел на них. Я наклонился вперед на саламандре, глядя на книгу сверху. Путевой дневник?

Интересно.

Я спрыгнул с ящерицы и подошел ближе. Как всегда, никто из них не повернулся ко мне, даже когда я шёл между ними во время их разговора. Я посмотрел на человека, держащего дневник.

Тебан, так его звали. Крупный мужчина с лысеющей головой. Он нес с собой мешок с вещами, но большую часть его багажа занимал массивный дневник.

Заметит ли он, если я одолжу его? Глупый вопрос.

Зачем спрашивать, когда это можно просто сделать?

Я протянул руку, натянул кожаный ремешок и расстегнул его с его плеча. Журнал выскользнул; прямо в мои ожидающие руки. Некоторое время я стоял в тишине. В ожидании, я задержал дыхание, чтобы посмотреть, заметит ли он.

Я напряженно смотрел, и Тебан прошел прямо мимо меня, как будто его ценный дневник не только что схватили.

Я вздохнул.

... На самом деле, я не уверен, должен был я испытать облегчение или нет. Я просто украл дело его жизни, а он даже не взглянул на меня. Предки. Это «имя» не было поводом для насмешек. Каким бы ни был эффект в полной мере, он сделал мое существование совершенно невидимым. Даже мои действия. Гниль, я мог бы стать абсолютным вором, и никто даже не узнает, что я украл у них.

Я остановился на этом, кивнув. Хм.

На самом деле это звучало не так уж плохо.

С ухмылкой я перекинул ремешок дневника через плечо и зашагал обратно к ящерицам. Я схватился за поводья и приподнялся. Здесь было удобно. Приятно и ветрено. Ни один из торговцев не сидел здесь, чтобы уменьшить нагрузку на ящериц, и, хотя мне было жалко бедняжек, я все равно отказывался идти.

В конце концов, сидеть было так хорошо.

Не было не единой возможности, что я этим не воспользуюсь. Я планировал сидеть сколько захочу, черт возьми. Теперь - к важному. Журнал. Напевая себе под нос мелодию, я потянулась к ремню на плече и… ничего. Моя рука сжала пустой воздух.

Хм?

Я нахмурился и огляделся, но книги при мне не было. У меня даже не было ремня на плечах. Я волновался, что, может быть, уронил его, поднимаясь на ящерицу, но… я остановился, когда мои глаза достигли остальной части каравана. Тебана, в частности. Он шел, разговаривал и смеялся, цепляясь рукой за ремешок и массивный журнал, к которому он был прикреплен.

Журнал, который должен был быть у меня.

Я смотрел на него в замешательстве, прежде чем в мою голову прокралась мысль. Подозрение. В поисках подтверждения я спрыгнул с ящерицы и подошел к другому человеку. Охранник. Я выхватил у него из рук магитех-винтовку и пошел прочь.

Прошло три секунды. Пять.

Я почувствовал, как тяжесть в моих руках исчезла, и пистолет исчез. Просто так. Мне даже не пришлось моргать. В одну секунду он был там, а в следующую - нет. Я недоверчиво уставился на свои пустые ладони.

Ни за что.

Обернувшись, я подошел к ящерицам и схватил брезентовую ткань, покрывающую один из ящиков. Я оторвал её. Скинул с коробки крышку. Я возился внутри, отодвигая куски ткани и

рулоны шелка, прежде чем вытащить изнутри маленькую шляпку. Красивую, широкую и белую, идеально подходящую для защиты от солнца. То, что может носить дама.

Я отошел от ящерицы, глядя на нее. Внимательно следя за каждым движением.

Она была там пять секунд.

… А потом её не стало.

Она просто исчезла. Без предупреждения, без звука. Я держал её в течение пяти секунд, а затем она исчезла.

«Ты, должно быть, шутишь», - сказал я, поворачивая голову к небу. «Ты, должно быть, шутишь надо мной, да?»

Быть невидимым и неслышимым - это одно, но забрать мою способность взаимодействовать с вещами?

Это было жестоко.

Что, черт возьми, я должен был тогда делать? Просто смотреть, как все происходит, пока я не убью себя от скуки? И если правда, что то, с чем я взаимодействовал, исчезало, тогда ...

Моя рука потянулась к груди, где было маленькое стеклянное ожерелье. Сфера, полная растений и крошечных кусак, запечатанных внутри собственной самодостаточной экосистемы. Моя рука сомкнулась вокруг него - твердо. Успокаивающее холодное стекло. Доказательство моей способности влиять на мир.

Я подавил разочарование, переполнявшее мою грудь, и расслабился.

Шар был там, и веревка вокруг него, которую я привязал, присутствовала. Я вздохнул и пошел за караваном, задумчиво взявшись за подбородок. Как только я догнал, я снова взобрался на спину ящерицы. Я сидел там, окруженный коробками, поджав губы.

Из всего, что произошло до сих пор, я не мог поверить, что такая простая вещь, как неспособность воровать, заставила меня потерять самообладание. Я был похож на паршивца, который купил игрушку, не оправдавшую его ожиданий.

И я чуть не закатил истерику из-за этого. Как какой-то идиот, кричащий в небо.

Семнадцать лет, а я был еще глупым ребенком. Я вздохнул.

Венти, которая некоторое время сидела у меня на плече в молчании, клюнула меня.

Я посмотрел на нее. «Ты здесь не та, кто находится в эпицентре экзистенциального кризиса, Венти. Дай мне воспользоваться моментом».

Она взмахнула крыльями и села назад с раздражённым видом.

Я фыркнул. Хммм. Что она знала?

Однако спор с птицей придется отложить на потом. На данный момент мне нужно было сосредоточиться на рассматриваемой проблеме, а именно на моей способности взаимодействовать с миром.

Насколько я знал, я не мог брать вещи у людей. Воровство было запрещено. Если бы я ушел с чем-то, что принадлежало другому человеку, оно исчезло бы, как будто я его вообще никогда не брал. Пока что единственным другим предметом, которого я коснулся и который не исчез, была моя маленькая безделушка. Может потому, что она не кому не принадлежала?

Или это потому, что когда я её забирал, никого не было рядом? И вообще, что такое Имя? Что значило потерять его? Как это повлияло на то, как я взаимодействую с окружающими? С людьми?

Я нахмурился.

Слишком много вопросов.

И ответить на них можно было только одним способом.

Зажав переносицу, я встал. Я огляделся на караван. Двадцать три человека, семь ящериц. Все с вещами, над которыми я мог экспериментировать.

«Тогда хорошо» - пробормотала я, держа бансури через плечо, как палку. «Пойдем, посмотрим, что я не могу сделать».

***

Караван остановился на закате.

С эффективностью я наблюдал, как путешественники разбивают лагерь. Они поставили металлическую пластину в воду, и зарядом магии она оттолкнула воду. Она создала периметр в пятьдесят футов в поперечнике, где озеро не могло течь, где остальная вода сдерживалась невидимой стеной силы. Потом я наблюдал, как они ставят палатки. Незачарованные, судя по их виду. Самый минимум, необходимый для сна.

Я ходил по лагерю, пока они готовились, с интересом наблюдая. Было интересно, как быстро эти лагеря можно было собрать и разобрать. Почти оптимизировано.

Однако, несмотря на это, все равно требовалось время. А значит, ужин будет поздно.

Через час после захода солнца караван собрался вокруг трех дымящихся костров, разрываясь на нормированную еду и рыбу, выловленную в озере. Как ни странно, я наблюдал, как один из людей готовил свой улов, пока мясо не стало белым. Бедняжка. Я покачал головой. В конце концов, некоторые слухи оказались правдой.

Свежее мясо действительно было ядовито для человеческого желудка.

Мне было жаль того парня, который должен был готовить себе еду. Рыба была намного лучше, когда ее солили и ели в сыром виде. Особенно в соусе.

Человеческий путь был пустой тратой. Трагедия вкуса.

Я вздохнул и огляделся.

Теперь, когда я устал от экспериментов, я бродил посреди группы едящих людей, сидящих вокруг огня. Я старался не обращать внимания на то, насколько восхитительно выглядела еда вокруг меня. Или насколько сочными были звуки, исходящие от каждого кусочка. К счастью, у меня пропало обоняние, и это избавило меня от дальнейших мучений.

Однако были и другие виды боли, которые меня занимали.

«Не могу поверить, что эта девушка действительно снимает кожицу с яблока», - сказал я с отвращением, когда один из людей разрезал фрукт. Она даже семена вырезала ножом! Лучшая часть!

Даже Венти в ужасе отшатнулся от этого зрелища. Мне пришлось закрыть ей глаза - чтобы спасти ее невинность от дальнейшего греха.

Предки эти люди были расточительными дикарями.

Они головы тоже выбрасывали, когда ели насекомых? Или предки запретили - сверчков и личинок жарили на костре? А что насчет улиток? Они не хрустели раковинами?

Фу. Я не хотел узнавать. Это только снизило бы мое мнение о них еще больше.

Люди были странными. Такими придирчивыми.

Отвлекаясь от таких мыслей, я вспомнил свои на данный момент находки.

Воровство было запрещено. Забирать предмет, принадлежащий кому-то или группе людей, было запрещено, но просто взять вещь я мог. Даже когда я был на виду. Хватать камни и жонглировать ими перед караваном, не привлекая их внимания, хотя бросать их в них - совсем другое дело.

Несколько часов назад я снова вышел из себя. Когда один из амаридов отказался смотреть на меня - даже после того, как я начал выкрикивать ему в ухо слова песни «Рэнди путешественник по разломам» - это меня разозлило.

Я бросил в него камешек.

Незрело, да, но это сделало вклад в мои выводы.

Я вспомнил, как наблюдал за камнем, который затем исчез. Прямо перед тем, как он ударил его по затылку, он телепортировался обратно в мою руку, как будто я никогда не бросал его вообще. Я нахмурился при воспоминании.

Как будто какая-то сила мешала мне воздействовать на кого-либо из них. Она замаскировала мое присутствие и отменила все заметные изменения, которые я внес в мир. Неужели имя действительно настолько важно, что я ничего не могу без него сделать?

Я закусил нижнюю губу. Вопросы, вопросы. На них у таких глупых детей как я не было ответов.

Тч.

Я бросил пыль в огонь, но она упала на землю прежде, чем успела погасить пламя. На мгновение я подумал о том, чтобы просто пойти впереди каравана и испортить тропу, чтобы посмотреть, сохранятся ли изменения, когда они достигнут ее, но ...

Хм?

Мои заостренные уши оживились.

Был звук. Там, далеко . Слабый. Настойчивый. Его я хорошо узнаю за несколько недель

путешествия по озеру.

Это был звук группы, пробирающейся через воду.

Я повернул голову на север. В темноту за огнями. Мои глаза видели только серый цвет, но они пронзали тьму, показывая мне бесцветные очертания предметов вдалеке.

Они были маленькими. Сгорбившись. Они поползли вперед, их тридцать… нет, около пятидесяти. Я не мог разглядеть их лица с такого расстояния, но видел, что они несли. Копья и сети. Некоторые - щиты из панцирей ракообразных шириной с мою грудь. Они двигались тихо - почти незаметно для меня, даже с моим темным зрением и улучшенным слухом.

Я был новичком в этом путешествии, но одно было очевидно даже для меня.

Они здесь не по дружеским причинам.

«Эй!,» - сказал я, оглядывая людей вокруг. «Вы, идиоты, собираетесь подвергнуться нападению. Посмотрите! Север!»

Они продолжали есть. Смеяться. Говорить.

«Вы в меньшинстве, идиоты. Вставайте и берите свое оружие ».

Ничего.

Я щелкнул языком. Прокляните меня предки, эти люди собирались погибнуть здесь. И хотя их неспособность заметить мое существование расстраивало меня, я не собирался сидеть и смотреть, как их застают врасплох. Даже если они, вероятно, смогут победить это примитивное оружие с минимальными потерями.

Никакого риска для моей новой туристической группы. Особенно, когда они так хорошо знали местность.

Итак, хорошо. Я бы мог помочь. Или, по крайней мере, попытаться.

Я поплелся из лагеря, направляясь к фигурам вдалеке. Я не был уверен, что именно я собирался делать, но был бы бессердечным, если хотя бы не попытался. Даже если я не найду решения, я, по крайней мере, смог бы увидеть, что это за парни на расстоянии. Насыщенное любопытство и все. К тому же я не чувствовал опасности приближаясь к ним вот так.

Во всяком случае, они не могли меня увидеть.

Я подошел ближе.

Мои ноги плескались подо мной, когда я ступил в воду за периметр лагеря. Засада была далеко, и ходьба обычно занимала слишком много времени. Даже пробежка. Итак, я поднес бансури к губам и сыграл знакомую мелодию. Песня Гале. Поднялся ветер и понес меня вперед. Я подпрыгнул над водой и, прищурившись, стал различать группу вдалеке.

Глекки. Двуногие рыболюди с желтыми глазами и перепончатыми плавниками. Судя по всему, они были эквивалентом водных гоблинов из Асталона в Цереите, если я правильно помню. Книги матери содержали тезис о том, как их глаза могут быть использованы для алхимии. Какой-то уравновешивающий агент.

Я был не согласен. Небиологические материалы всегда были лучше в качестве уравновешивающих агентов. Они были проще по составу; менее рискованны при работе с летучими материалами. Добавление биологической массы к высокореактивным элементам было рецептом катастрофы. Рисковать рукой или двумя не стоило потенциального результата эксперимента.

Я продолжил свой подход, покачав головой. Позже об алхимии. Убийственные рыболюди.

Подойдя ближе, я заметил, что они были примерно вполовину моего роста. Однако это не значило, что им было хуже в воде. Я мог видеть, как легко они маневрировали на мелководье, двигаясь наполовину плаванием, наполовину ползанием. Я вздрогнул при виде них.

Уродливые мелочи. Как будто кто-то обезглавил мертвую рыбу и приклеил ее голову к шее младенца. А запах… тьфу. От них ужасно пахло. Как протухшие на солнце кишки и простокваша.

Венти летела рядом со мной, настойчиво щебеча.

Да, да. Я знаю, Венти. Это некрасиво. Но все же мне нужно было понять, что, черт возьми, сделать, чтобы их остановить. Или, может быть, как-нибудь предупредить людей в лагере. Однако, пока я думал, группа глекков впереди меня начала подниматься из воды. Они подняли копья. Подготовились к броску.

Я нахмурился. Почему? Они были все еще слишком далеко от лагеря, чтобы атаковать.

Венти снова чирикнула мне в лицо.

«Ой! чт-»

Боль.

Мои глаза расширились. Я мог чувствовать. Я чувствовал запах. Я чувствовал вкус прогорклой рыбы в воздухе. Мои чувства вернулись …

Глекки впереди взмахнули руками. Копья с острыми когтями полетели в мою сторону. Я вскрикнул, вздрогнул, и музыка, исходившая из моих уст, прекратилась. Песня Гале остановилась. Мой вес вернулся. Моя инерция подтолкнула меня вперед. Я споткнулся. Покатился. Сплёвывая, брызкая слюной, неуверенно стоя на озере. Я слышал хлопки вокруг себя. Копьё, едва не пропавшее в меня, затем вспышка тепла на моём боку. Боль. Неглубокий порез.

Я выплюнул воду, кашляя и спотыкаясь. Кровотечение.

Что, черт возьми, происходит!? Почему теперь, во все времена, могло случиться, что-то вроде этих ебучих глуп-

Я открыл глаза и увидел еще один залп копий, летевших ко мне.

Я рефлекторно вздрогнул. Невозможно отреагировать.

А потом передо мной появилась синяя вспышка.

Венти.

Она чирикнула, и из ее клюва показалась Песнь Гале. Порыв, похожий на физический удар, обрушился с неба и ударил по копьям. Я видел, как они врезались в воду, как будто их ударила невидимая рука великана. Впереди набегающая группа глекков начала подниматься из воды. Они издавали эти отвратительные влажные кваканья, как дети, тонущие в собственной рвоте. Многие из этих уродливых ублюдков нацелили еще один набор копий и бросились в атаку.

Монстры бросились на меня, выкрикивая удушающие боевые кличи. Венти повернулась ко мне и чирикнула. Она подлетела. Клевала меня в лоб. Боль ощутилась в мгновение ока, и беспорядочные мысли в моем мозгу прекратились. Мое тело восстановило контроль. Мой разум прояснил -

И он сказал мне бежать к черту.

Я не собирался спорить с подобным аргументом.

Я споткнулся. Повернулся. Я сильно дунул в бансури, и пронзительный крик испуганной песни вырвался из моего инструмента. Песнь Гале устремилась вперед и подействовала. Но это была не та спокойная, контролируемая песня, как обычно. Теперь она была в панике. Неуклюжая. Она бросилась ко мне, и я почувствовал, как вес исчезает. Сила врезалась в меня снизу. Ветер гонит меня вверх, вверх, вверх -

- Тогда я летел. Падал. Я взлетел по дуге, к лагерю - по дуге к земле. Позади меня ревела армия разъяренных рыболюдей. Услышав этот звук, люди в лагере зашевелились и бросились к оружию с широко открытыми глазами и этим глупым взглядом «мы только что заметили очевидную угрозу».

Если они думали, что глекки были удивительными, то они по-настоящему удивились бы, увидев зрелище, как я разбился и превратился в мясную пасту. Прямо посреди их проклятого лагеря. Я запаниковал в воздухе, когда земля расплылась подо мной, махая конечностями, Венти была слишком далеко, чтобы помочь.

Песня Гале заставила меня двигаться, но как я должен был остановиться?

Я закрыл глаза и сделал единственное, в чем был хотя бы отдаленно уверен. Я сыграл вторую песню.

Мой бансури выкрикнул еще одну ноту; острую и визжащую, словно зазубренный металл о камень. Звук отразился на воде и ...

Я смотрел, как озеро подо мной бурлит.

http://tl.rulate.ru/book/60551/1564342